

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

имя - судьба - легенда

АРЛЕКИН И СКОРБНЫЙ ЭККЛЕЗИАСТ

Фаина Раневская

Арлекин и скорбный Экклезиаст

«Издательство АСТ»

2017

УДК 792.2.071Раневская Ф.Г.
ББК 85.334(2)6-8

Раневская Ф. Г.

Арлекин и скорбный Экклезиаст / Ф. Г. Раневская —
«Издательство АСТ», 2017

ISBN 978-5-17-099835-7

Фаина Георгиевна Раневская – великая драматическая актриса со столь же драматической судьбой. Она выделяется в ряду даже самых выдающихся служителей Мельпомены – веселящий публику Арлекин и вместе с тем скорбный, как Экклезиаст, мудрец. Она была уникальной личностью и в искусстве, и в повседневной жизни, занавес над которой приоткрывают фрагменты воспоминаний, представленные в этой книге. Они тоже по-своему незаурядны, благодаря своей афористичности, а также присущей Фаине Георгиевне эмоциональности и тонкому психологизму. Ее дневники и записи позволяют увидеть некоторые тайники души, веселой и печальной одновременно, по-настоящему народной артистки.

УДК 792.2.071Раневская Ф.Г.
ББК 85.334(2)6-8

ISBN 978-5-17-099835-7

© Раневская Ф. Г., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Фаина Георгиевна Раневская Арлекин и скорбный Экклезиаст

Предисловие

Удивительный факт: в 1992 году во всемирно известной английской энциклопедии «Кто есть кто» Фаина Георгиевна Раневская указывалась в списке десяти самых выдающихся актрис XX века! И это при том, что в кино она всегда выступала всего лишь «мастером эпизода», да и в театре – вовсе не могла похвастаться обилием ролей. Писатель-юморист Эмиль Кроткий как-то даже ехидно заметил: «Имя её не сходило с афиши, где она неизменно фигурировала в числе „и др.“».

И действительно – большинство ролей вполне может уместиться в эти обидные рамки: «и другие...». По-настоящему «знаковых» театральных ролей – всего две, в Театре имени Моссовета: миссис Сэвидж (спектакль «Странная миссис Сэвидж») и Люси Купер (постановка «Дальше – тишина»). И тем не менее – такое признание таланта! Мало какие советские «примы» того времени получили вот такую, «мировую» известность!

Да, интригует... Хочется во всём не спеша разобраться... Хотя писать о Раневской – довольно неблагодарное занятие. По поиску «Гугл» в интернете выскакивает свыше 50 призывных обложек книг – с её «непосредственным участием». Из них – полтора десятка развёрнутых и не очень биографий, с рассказами о Великой актрисе и Мыслителе. Издана даже книга неких «стихов-медитаций на мысли Фаины Раневской». (Боже правый – видать, для «совсем продвинутых»). Едва ли есть смысл «соревноваться» со всем этим сонмом культурологов, историков, искусствоведов, да и просто профессиональных «вспоминателей былого». Ведь о Раневской сказано уже просто... «вагон и маленькая тележка»!

Но я, как благодарный зритель и читатель, поклонник таланта Фаины Георгиевны – имею полное право выразить о её творческом пути некоторые собственные ассоциации. Пусть субъективные, вольные (возможно даже – чересчур!) – но уж как есть... Издатель, если посчитает их заслуживающими внимания – вправе обнародовать. Ну, а читатель – соответственно прочитать (или, как минимум – просмотреть наискосок).

Найдёт ли кто для себя что-то новое и полезное? Вопрос на засыпку... Во-первых, что считать «полезным»? Просто пищу для размышлений, строительный материал для создания собственных словесных конструкций – учитываем? А что насчёт вождельной «новизны» – так ведь сказано, ещё «во время оно»: «Нет ничего нового под солнцем!»

И правильно сказано! А читая воспоминания и размышления Раневской – как раз и начинаешь поневоле соглашаться со многими «отнюдь не жизнеутверждающими» изречениями многомудрого библейского мудреца Экклезиаста. Возникает стойкое ощущение, что местами Фаина Георгиевна выступает просто как – ни дать, ни взять! – его современная проекция...

«Воспоминания – это богатство старости», – напишет однажды Великая актриса. Так почему бы нам не попробовать поискать что-то интересное в этом богатстве? Аккуратно разворошить его – просто «со стороны», с позиции нейтрального наблюдателя?

* * *

...Когда задаёшь себе вопрос: а с кем можно сравнить Фаину Георгиевну (Деятеля культуры – с большой буквы, а не только «театра и кино»), то как-то и не сразу можешь ответить.

Из актёрской братии многие довольно успешно и громко являли «смежные» таланты. К тому же большинство – остры на язык. Кто-то писал эпиграммы, частушки для театральных капустников, ироничные сказки с элементами сатиры... или афоризмы с назидательной развязкой. Подавляющее большинство артистических деятелей оставило после себя пафосные мемуары, с подробным изложением и обоснованием «высокого штиля» и «себя-самоё» в Искусстве. Оптимистично настроенные поклонники разного рода талантов поговаривают меж собой, что некоторые из ушедших и ныне живущих «звёзд» – даже, вроде как, непосредственно участвовали в отдельных элементах процесса создания столь важной для потомков печатной мемуаристики.

Согласен, у нас много (было и есть... впрочем, всё же больше – «было»!) блистательных комедийных актёров, некоторые из них – «в быту» являли собой разочаровавшихся в жизни философов-одиночек, с оригинальным взглядом на Мироздание и социальную миссию искусства...

Но все «добившиеся и признанные», по ощущениям, как-то слишком упорно и цепко придерживались выбранного, «однажды нащупанного» жанра, в коем плотно и удобно укоренились. На стыках жанров и стилей – видимо, как-то неуютно существовать: не совсем понятно, что конкретно писать в наградных листах, регулярно отправляемых по инстанциям.

А вот Раневская – как-то не особенно вписывается в сплочённые ряды «небожителей от Ея Величества Культуры». Но опять-таки: по субъективным ощущениям. Комическая, буффонадная актриса... и скорбный философ «а-ля Экклезиаст». «Когда я умру, похороните меня и на памятнике напишите: «Умерла от отвращения», – заявляла Фаина Георгиевна... и когда читаешь её дневники – понимаешь, что просто не можешь в духе Станиславского отрезать: «Не верю!» Скорее, выдавишь: «Увы!»

В её жизни явило себя не только «смешение жанров», но прежде всего – «гремучий сплав мировоззрений», парадоксальный синтез почти что взаимоисключающих мироощущений. Грустное комедианство, озорной трагизм, хулиганствующее философствование, эпатажное мудрствование...

И если рассматривать это парадоксальное «смешение» – то на ум приходит разве что... Леонид Енгибаров, известный как «грустный клоун с осенью в сердце». Да, сейчас бы его назвали «мим», «эксцентрик» или как-то ещё. Но ведь он манифестировал себя не привычным «артистом оригинального жанра» – не вполне определённого, а потому и представленного на неких нейтральных сценических подмостках. Нет, он выступал именно в цирке (!), причём в роли обычного ковёрного! И зритель не всегда готов увидеть пронзительные лири-

ческие интермедии – сама «личина» клоуна подразумевала накатанный односложно-плоский юмор: падения, кривляния, натужное выстраивание смешных рож... да исподтишка – трусливые пинки униформистам...

Но «взрывать» устоявшийся жанр изнутри, превращать его в нечто совсем иное, чуть ли в противоположное – это дорогого стоит! Вот, видимо, именно поэтому бесславные сонмы ушедших лицедеёв манежа начисто забыты зрителями, а клоуна Енгибарова будут помнить ещё очень долго!

А ведь ценителям поэзии хорошо известны и верлибры Енгибарова! Ещё одна грань таланта, которая ждёт своей заслуженной оценки: «Наскучит уют, остынет любовь, и останется только Дорога, и где-то далеко впереди – надежда, что будет любовь, покой... (...) но это только мираж, без которого не бывает Дороги!»

Для привычного клоунско-шутовского колпака – несколько неожиданно, не правда ли?

* * *

...Если посмотреть на десяток «золотых киноролей» Раневской (то бишь тех, что крепко въелись в память массовому зрителю), то трудно не заметить в них неприкрытый, практически феерически-буффонадный сарказм! Фаина Георгиевна не переигрывает, не превращает своих лирических героинь в некие «небывальщины», но... живописует их столь эмоционально яростно, что получается нещадный гротеск. И слово «лирическая» – как-то само собой размывается из тщательно вылепленных образов. Зато просятся на язык другие определения: например, «фантазмагорическая» или «убийственно реалистическая» героиня. Из тех, чьё амплуа звучит в просторечии как что-то наподобие «Оборжаться, умереть – не встать!», Фаина Раневская – пожалуй, самая загадочно-грустная клоунесса кинематографа. Вначале трудно сдерживать улыбку... а затем – долго не покидает осадок некой щемящей горечи.

Большинство её ролей – это «выпавшие» в некую иррациональную завихрённость взбалмошные дамы, плутающие по обычной жизни в собственных системах координат, взятых если и не из туманных снов, то точно «не от мира сего» – а посему вызывающие у зрителей странный спектр эмоций: от доброй снисходительной улыбки... до взрывов гомерического хохота. При этом неоднозначность подачи образа всё равно оставляет некоторое не совсем ожидаемое послевкусие, что трогательно горчит в восприятии и вызывает долгое странно-тягучее недоумение...

Может быть, станет более понятно, почему в воспоминаниях о Раневской не раз встречаем указания на её непримиримо-перманентный конфликт с режиссёром Юрием Завадским. Тут ведь не простое «расхождение характеров»! Думаю, что имело место особое «метафизическое рассогласование», глобальный мировоззренческий конфликт, практически – нестыковка основополагающих внутренних идей о сути и назначении Искусства, как такового. Раневская создана для надрывно-гротескных, «брехтовских» ролей. А Завадский, со своим строгим кондовым академизмом, просто не мог принять таких «забубонных завихрений»! Здесь слово «академизм» – уместнее поставить в кавычки. Не строгий канон и классическая школа, а скорее – набор выверенно-удобных масок... Что явно не для Раневской! Уж чего-чего, а пафосной дури, нагнетания выхолощенного «орфизма», картинного заламывания рук под дежурно-бутафорскую горячую слезу – та точно не допускала. Возможно – переболела этим в детстве?

Из дневников Раневской: «Приходил в гости к старшей сестре гимназист – читал ей стихи, флиртовал... *Чтение повергало меня в трепет. Гимназист вращал глазами, взвизгивал, рычал тигром, топал ногами, рвал на себе волосы, ломая руки. Стихи назывались «Белое покрывало». Кончалось чтение словами: «...так могла солгать лишь мать» (...)* Гимназист зарыдал, я была в экстазе... Теперь, к концу моей жизни, я не выношу актёров-«игралыщиков».

Фаина Раневская никогда не являлась «игральщиком». Но она – также и не классическая актриса, не правильный «деятель культуры», в привычном понимании. Она – скорее хулиганствующий субъект, беззлобно плюющий на все сложившиеся авторитеты и устоявшиеся унылые правила. Кроме тех, что ею приняты... и затем выстраданы на сценических подмостках и под светом киносфотиков. Сыгранные ею персонажи – сама непосредственность... и в то же время – непредсказуемость. А к этому, до кучи – олицетворение определённой «чуждости» этому миру, нарочитое (где-то даже – капризное) неприятие навязанных строгих схем, бунт против них посредством наивной и незамутнённой детской «искристости».

Думаю, именно с этого фокуса исследовательского взгляда и возможно вплотную приблизиться к «прочувствованию» ещё одного пласта особенного таланта Раневской – её цветастых афоризмов, что ныне известны широким массам «потребителей культуры», (пожалуй – гораздо больше, чем старые добрые фильмы с участием Великой Актрисы... а уж тем более – театральные постановки).

Да, Раневская – признанный, непререкаемый «мастер эпизода». И могла играючи из куцей рольки вытянуть «столько всего», подать любой незамысловатый короткий эпизод с такой творческой экспрессией, что начисто затмевала напыщенных красавиц – главных героинь, вкупе с их правильными, прилизанными героями.

Но только... фильмы эти – уже давно стали триумфальным достоянием пыльных полок Госфильмофонда. Да от случая к случаю, сугубо под настроение – туманным объектом ностальгических вздохов бабушек, кучкующихся на свежеевыкрашенных лавочках у обшарпанных подъездов. Увы, время неумолимо: новое поколение лелеет и возвращает в сознании своих собственных кумиров.

А прославленные фильмы из «давно минувших дней», с блистательной игрой актёров «старой школы» – как-то негласно претерпели высылку на периферию культурного процесса, куда-то за видимый горизонт «актуальных информационных поводов». Да, можно скачать в интернете, где-то – чем чёрт не шутит! – ещё застряли в продаже нераспроданные легальные дисковые копии, выпущенные ещё в прошлой или позапрошлой «культурной пятилетке». Но... сколько реальных показов, зрительских просмотров? Боюсь, что даже сама цифра уже мало кого волнует. И действительно: не блокбастер же! Кто хотел – уже раз по пять пересмотрел, умилился, вспомнил молодость. Кому не довелось, но вдруг резко прихотелось – пусть ищет ближайший сеанс в кинотеатре «Иллюзион»: как раз на «раз в полгода» можно твёрдо рассчитывать!

* * *

Зато вот афоризмы, искромётные «жизненные фразы» Раневской – неизменно затребованы! Уверен, что едва ли найдётся в России человек, кто бы их не слышал, кто бы не восхитился хоть раз их непривычной неординарностью да яркой красочной лаконичностью! (*«Животных, которых мало, занесли в Красную книгу, а которых много – в Книгу о вкусной и здоровой пище»* – это тоже она!) Хотя зачастую афоризмы Фаины Раневской приводятся без авторства, как некий «впитавший суровую мудрость народа» фольклор.

При этом Актриса хорошо известна и своими «крепкими словцами» – сказанными «ёмко, к месту и по делу». Недавно в интернете даже стал распространяться любопытный текст: «Лучшие ругательства от Раневской – на все случаи жизни» (видимо, чтобы благодарный обыватель знал, кому обязан многим «цветастым» языковым конструкциям).

Но справедливости ради стоит признать, что гораздо более широко известны именно саркастические цитаты «от Фаины Раневской», выполненные на уровне «лингвистического фолла». Кстати, нарочитая грубость и даже обценная лексика – это ещё одна фирменная «примочка» актрисы Раневской. И так же, как в некоторых «неприличных анекдотах» просто невозможно

заменить привычный «трехэтажный» на стыдливые эрзац-эвфемизмы (вся смысловая канва сразу же «посыплется», анекдот выйдет пресным и плоским), так же точно и у Раневской. Скажем, её известное упоминание «жопы» (в разных ракурсах!) – ну просто никак не заменить никакими пристойными «ягодицами».

А если проанализировать знаменитую, ставшую уже чуть ли не «классической» максиму Раневской: «Жизнь – это затяжной прыжок из п... в могилу!», то понимаешь, что «подобное» возможно выразить только так и никак иначе. Да, пусть «бумага не стерпит» – затретирует цензура и самоцензура... Да, пусть ликует и царствует Высокая и ещё более Высочайшая нравственность, гневно отвращающая от низкого и грубого!

Но – увы и ах! – именно такое, неприкрытое и непричёсанное, явно «непечатное» изречение отправится залихватски гулять в народ. И упорно не будет поддаваться никакой облагораживающей редакции!

Причём сам народ, о котором заботливо пекутся гордые носители книжной нравственности, будет состоять в непоколебимой уверенности, что данная нестандартная философская аксиома – чистейшей воды фольклор: не имеющий конкретного автора, но выстраданный в натруженных недрах коллективного бессознательного «широких масс трудящихся».

А кто знает настоящего автора – тот просто восторгается смелости и бесшабашности созданных словом образов. И с этим ничего не сделаешь: Раневская уверенно выступает в качестве озорного Арлекина, беззлобно-насмешливого персонажа классической итальянской комедии. Что, может, и не совсем «положительный», но явно и не «отрицательный». Зато вызывает широкую симпатию (и как указывается в «Википедии»: «должен вызывать у зрителя сочувствие к его смешным невзгодам и ребяческим горестям»).

* * *

...Особый разговор – о «грустных», порой даже трагических афоризмах, точнее – своеобразных «мыслях вслух» Фаины Раневской. Прочитал некоторые из них своим знакомым. Никто так и не «опознал» автора. Гадали-рядили: «поздний Шопенгауэр», «готическая школа», «саркастический постмодернизм», «что-то из французских мизантропов». Самый интересный ответ: «Вроде как я это встречал в чьих-то предсуйцидальных записках». Оба-на! Приехали! Эпатажная хулиганствующая клоунесса – вдруг неожиданно-негаданно предстаёт пронзительно скорбной философией, отрицающей привычно оптимистичное отношение к жизни? Ну, а как ещё можно проинтерпретировать такие, к примеру, строки:

«Несчастной я стала в шесть лет. Гувернантка повела меня в приезжий «зверинец». (...) на столе стояло корыто, в нём плавали два крошечных дельфина. Вошли пьяные, шумные обормоты и стали тыкать в дельфиний глаз, из которого брызнула кровь. Сейчас мне 76 лет. Все 70 лет я этим мучаюсь!»

Кто-то, возможно, скажет: «Рисует... Играет в трагизм, при этом – явно переигрывает!» Я бы с таким заявлением не согласился. Категорически. Возможно, тут действительно необходимо прочитать весь «грустный цикл» размышлений Фаины Георгиевны: о жизни, о судьбе, о человеческом предназначении... И тогда начинаешь понимать – нет, не переигрывает и не «педалирует». Скорее – многое скрывает, недоговаривает... Шадит своего потенциального читателя, слушателя. Поэтому – с помощью особого, «оптимистичного» сарказма – и старается несколько скрасить, «подсластить» горький вселенский трагизм человеческого одиночества. И выдаёт глубоко выстраданную авторскую иллюстрацию к бессмертному «Экклезиасту». Выраженного с полуулыбкой, но – горше. С испытанным до последней капли «томлением духа» в скрипучей карусели «суеты сует».

Раневской хочется сочувствовать... только непонятно: «грустный философ» – это её истинная натура, незыблемое природное качество или «жизненное амплуа»? Роль, с которой

уже свыклась и смирилась? Есть расхожее суждение, что у «увлекающихся профессией» актёров – и не поймёшь: где кончается игра, личина, а где начинается жизнь, личность. Мол, порой они и для себя самих, в отсутствии зрителей, «заигрываются», внедряя «театральные кульбиты» в повседневную жизнь. Кто знает...

Думаю, Актриса всю жизнь прожила «между полюсов», мучительно пытаясь ответить сама себе на многие вопросы. «Жалею, что порвала дневники – там было всё, – писала о себе Раневская. – Почему я так поступила? Скромность или же сатанинская гордыня?»

Такие метания встречаем затем не раз и не два. Она это даже особенно и не скрывала. И даже обыгрывала с присущим ей патетическим сарказмом:

Раневскую о чем-то попросили и добавили: «Вы ведь добрый человек, не откажете!» «Во мне два человека, – ответила Фаина Георгиевна. – Добрый не может отказать, а второй – может. Сегодня как раз дежурит второй!»

Отсюда – и совершенно разные воспоминания о Раневской. Одни говорят о ней, как об очень культурной, начитанной особе, вдумчивом собеседнике... Другие – отмахиваются, как от вульгарной тётки с хамскими замашками – что могла сквернословить и скатываться в открытое хулиганство.

И самое интересное – оба мнения справедливы. Хотя даже в парадоксальной совокупности – не отражали всей полноты личности Фаины Раневской.

* * *

Раневская выступала прямо-таки «генератором анекдотов». Многие фразы, которые стойко воспринимаются или как анекдоты, или как расхожие народные остроты, – в реальности принадлежат именно её искромётному творчеству.

Ну, например, знаменитое... Коллега по сценическому цеху пафосно изрекает: «Я так обожаю природу!» На что Фаина Георгиевна нарочито детально обсматривает ораторшу и выдаёт недоумённое: «И это после того, что она с тобой сделала?»

«Да, анекдот же!» – так и хочется вскрикнуть в сердцах. Согласен, после Раневской – конечно же, да. Повторено-переповторено, даже использовано в разного рода литературных конструкциях. Но первоисточник, изначальный автор – многими уже, увы, подзабыт.

Или классическое: «Бог создал женщин красивыми, чтобы их могли любить мужчины, и – глупыми, чтобы они могли любить мужчин». Первая реакция – ну, это расхожее утверждение... Чуть ли не к античным временам апеллируют. Сама мысль или что-то близкое к ней, выраженные через многоходовый логический трактат, – возможно. А вот так – наглядно, изящно и лаконично – это уже фирменный стиль Раневской. И ведь не возразишь, разве что – перефразируешь при случае, придав авторскому размышлению личину абстрактно-народной мудрости.

А вот так просто – оригинальная классификация семейных союзов (по Раневской). Жёстко, хлёстко (к тому же – и не очень-то «толерантно», а потому применимо исключительно для внутрисоветского пользования). Но мудро... и практически – исчерпывающе. Вполне заменит заунывную тетралогия интеллигентно-романиста:

«Союз глупого мужчины с глупой женщины порождает мать-героиню. Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку. Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычную семью. Союз умного мужчины и умной женщины порождает лёгкий флирт».

Философам остаётся только мечтать о подобной наглядности. Что Фаина Георгиевна «вполне себе сносно» могла определить парой ёмких предложений, то для правильного гения и прославленного «философского родоначальника» Иммануила Канта потребовало бы пару обстоятельно-содержательных глав.

* * *

«Семья человеку заменяет всё. Поэтому, прежде чем завести семью, необходимо как следует подумать, что для вас важнее: всё или семья?» — боюсь, что этот риторический вопрос Раневской не потеряет своей надрывной актуальности во все времена.

И на эту фразу Раневской следует обратить особое внимание. Потому как – не для красного словца сие сказано, а выстрадано, кровью сердца на гладь сознания вымыто.

Почему же, всё-таки, такое жуткое, порой нестерпимое одиночество? Популярность, харизма, узнаваемость на улицах, восторги публики, назойливые поклонники... и горькое чувство покинутости, скорбной оставленности миром?

И от черновых набросков, не «заготавливаемых впрок» для широкого читателя: «Ничто так не даёт понять и ощутить своего одиночества, как когда некому рассказать сон...» – выстраивается осознанный вектор к созданию Учения о смысле и назначении жизни, исключительно для личного потребления.

«Если бы я вела дневник, то каждый день записывала бы одну фразу: «Какая смертная тоска» – и всё!» – отмечает Фаина Раневская... и принимает – уже не в первый раз! – решение уничтожить очередные наброски к мемуарам. («Я скорее дам себя распять, чем напишу книгу «Сама о себе». Не раз начинала вести дневник, но всегда уничтожала написанное...»).

А одиночество... Оно так и остаётся. Как и талант. Развивается, расширяется, захватывает все свободные закутки сознания... но не иссякает с годами.

И определяется Раневской как неизбежный «спутник славы». Отсюда и недоумённое восклицание, при созерцании очередного изобилия «цветов, записок, писем и открытое» от читателей – после очередного спектакля: «Как много любви, а в аптеку сходить некому!»

При этом к самой этой «зрительской любви» – она, как минимум, относилась с явной настороженностью. «Любовь зрителя несёт в себе какую-то жестокость», – заявляет Раневская, попутно поясняя: «Однажды после спектакля, когда меня заставили играть «по требованию публики» очень больную, я раз и навсегда возненавидела «свою славу».

Со славой – это понятно. А что с одиночеством? Страдала ли она от него? Возможно. Может, это и стало причиной её тоски, о которой она не раз говорила. («Нет болезни мучительнее тоски!») Не жалуясь, а именно «проговариваясь невзначай».

Но, думаю, относилась к одиночеству философски, со свойственной мудрой женщине терпимостью. И даже создавала некие обоснования его «необходимости». Например, как вам такое: «Ребёнка с первого класса школы надо учить науке одиночества». Не думаю, что многие педагоги согласятся с данным тезисом Раневской. Юмора или сарказма – тоже как-то не просматривается. Скорее – жизненная позиция, выработанная за долгие годы. Принять, согласиться – это единственное, что ей оставалось.

И всё-таки... Одиночество в толпе, социальное – это ещё можно понять. Таланту трудно найти себя в толпе бездарностей. Но вот семья...

Сейчас можно услышать: «Ну, мол, не красавица же!» Мол, как можно с такими внешними данными надеяться на удачу в супружестве? Крайне спорный тезис. Базируется на том факте, что все известные кинороли Раневской достались ей уже далеко не в юном возрасте. Согласен, «мачеха Золушки» – особых эротических симпатий не вызывает... (Это вообще её «бич», к которому, впрочем, сама актриса относилась сдержанно-философски: «Старая харя не стала моей трагедией – в 22 года я уже гримировалась старухой ...и привыкла, и полюбила старух моих в ролях».)

Но, по воспоминаниям современников, в молодые годы Раневская была хороша собой. Вот оценка одного из критиков: «Очаровательная жгучая брюнетка, одета роскошно и ярко, тонкая фигурка...» Да и творческое амплуа у Раневской той поры звучало соответствующе:

«героиня-кокетт». Для не особо сведущих в нюансах театральных терминов: так называли соперницу главной героини – традиционно скромной красавицы и умницы, положительной во всех отношениях. Её визави – конечно же, должна являть собой воплощённые хитрость и коварство... но и не меньшую красоту, привлекательность. А лучше превосходить «правильную героиню» – в яркости подачи себя, скажем, в броской фееричности... А иначе – где интрига? Как заставить главного героя – красавца без страха и упрёка – обратить на себя внимание?

...Но настоящий герой Раневской, если и возникал, то как-то не оттуда... и явно как-то «не туда». И приносил лишь горечь разочарования.

То первое в жизни свидание омрачила коварная, но более удачливая соперница (при полном попустительстве и даже – форменном свинстве «героя»): «Придя на свидание, я застала на указанном месте девочку, которая попросила меня удалиться, так как я уселась на скамью, где свидание у неё. *Вскоре появился и герой, несколько не смутившийся при виде нас обеих. (...) Каждая из нас долго отстаивала свои права. Потом герой и соперница пошептались. После чего соперница подняла с земли несколько увесистых камней и стала в меня их кидать. Я заплакала и покинула поле боя...*»

Иногда очередной «герой» и сам оказывался ещё тем наглым хряком! Не знаешь – плакать ли или смеяться после такого горестного рассказа Фаины Раневской: «...мне девятнадцать, поступила я в провинциальную труппу – сразу же и влюбилась. Уж такой красавец был! (...) ...однажды вдруг подходит и говорит шикарным своим баритоном: «Деточка, вы ведь возле театра комнату снимаете? Так ждите сегодня вечером: буду к вам в семь часов». Я (...) вина накупила, еды всякой, оделась, нарядилась – жду сию. В семь нету, в восемь нету, в девятом часу приходит... Пьяный и с бабой! «Деточка, – говорит, – погуляйте где-нибудь пару часиков, дорогая моя!» С тех пор не то что влюбиться – смотреть на них не могу: гады и мерзавцы!»

А то ведь и просто начинала брать за душу такая чёрная тоска и безнадёга – от грубости и пошлости потенциальных ухажёров... что потом в голове возникали довольно странные депрессивные ассоциации: «Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полусклонясь, в купальной шапочке и медных трусиках (...) Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать».

А в конце концов – наступило неизбежное. И ветры безжалостного времени просто начисто выдули из потенциального «героя» всё его геройство. «Сегодня встретила «первую любовь». Шамкает вставными челюстями, а какая это была прелесть. Мы оба стеснялись нашей старости», – напишет Раневская... и даже читателю станет неловко (и даже – больно) от живописуемой в горьких строках ситуации...

* * *

...Когда выдаётся классическое повествование о славном жизненном пути заслуженного «имярек» – принято начинать с формальной биографии. Ну, традиция такая – что поделаешь? Может, психоаналитикам такой подход и кажется необходимым... Возможно, и биографам-любителям из библиотечных коллекторов – такой удобный штамп тоже на руку.

Хотя трудно представить, что именно детские переживания и всякого рода комплексы так уж непререкаемо, «железобетонно» довлеют над всей будущей жизнью. Как вариант – могут определять отдельные моменты, добавлять некоторые оттенки в пёструю жизненную палитру, оттенять обертонами насыщенную симфонию судьбы.

Но густо закрашивать грядущее какой-либо одной доминантной краской? Едва ли... И всё же, пусть и с некоторым опозданием, но последуем выверенному рецепту, рассмотрев сухую биографическую хронику.

Известная актриса театра и кино, автор популярных афоризмов и мемуаров Фаина Георгиевна Раневская родилась в провинциальном Таганроге, в позапрошлом веке (1896 год). При рождении – имела совсем другое «ФИО»: Фанни Гиршевна Фельдман. С началом актёрской карьеры – сменила «сразу всё» на более привычное для слуха. Почему? Вопрос риторический.

Тут разве что к месту привести пример её коллеги по комическому жанру – актёра Семёна Фарады. Тот в метрике изначально записывался как «Семён Львович Фердман». Ну, а дальше – сухая цитата из вездесущей «Википедии»: «В 1971 году в титрах фильма «Вперёд, гвардейцы!», где Семён сыграл роль пионервожатого, решено было поменять «неблагозвучную», по мнению руководства картины, фамилию «Фердман» – на псевдоним «Фарада». Позже он официально сменил свою настоящую фамилию в гражданском паспорте и в других личных документах на фамилию Фарада».

Можно долго обсуждать, что же есть такое это «благозвучие-неблагозвучие», но факт остаётся фактом – многие деятели искусства обрели прописку в анналах Истории исключительно под литературными или артистическими псевдонимами, заменившими реальные родовые фамилии.

Дальше – снова «википедийская» цитата: «На момент рождения Фаины её отец, почётный член Ведомства учреждений Императрицы Марии, был владельцем фабрики сухих и масляных красок, нескольких домов, магазина строительных материалов и парохода «Святой Николай». Можно добавить: «купец первой гильдии, крупный мануфактурщик, староста Таганрогской хоральной синагоги, основатель приюта для престарелых евреев... и прочая, и прочая, и прочая...»

Собственно, о детстве – особо и нечего рассказать. Разве что отдельные воспоминания Раневской – как ранние судьбоносные всполохи, что в будущем будут влиять на её жизненный путь: «Актрисой себя почувствовала в пятилетнем возрасте. Умер маленький братик, я жалела его, день плакала. И всё-таки отодвинула занавеску на зеркале – посмотреть, какая я в слезах». Или ещё такое: «Играть, представлять кого-либо из людей, мне знакомых, я стала лет с пяти и часто бывала наказана за эти показы...»

Деньги в семье есть, потому – хорошее домашнее воспитание: приходящие учителя обучали музыке, пению, иностранным языкам. Когда Фая исполнилось 14 лет – она начала заниматься в частной театральной студии Говберга, играть в любительских спектаклях. Тогда её родные воспринимали театральные увлечения дочери – как безобидные подростковые увлечения. Но увлечение – переросло в страсть. Девочка всерьёз захотела посвятить себя театру.

А ведь состоятельная семья, уважаемый отец... То, что дочь стала грезить о сценической карьере, – явно не одобрялось. Как справедливо отмечают многие исследователи, во времена имперского величия дореволюционной России профессия «актриски» считалась лишь чуть-чуть поприличнее, чем куртизанки в борделе.

В возрасте 19 лет Фая Фельдман уезжает в Москву, практически порывая отношения с семьёй. Мать будущей Великой Актрисы ещё какое-то время, до эмиграции в Прагу из охваченной революционными беспорядками России, в тайне от мужа помогала дочери денежными переводами. Впрочем, недолго.

Бедствующая в постреволюционной Москве Раневская попробовала попросить помощи у одного из приятелей своего отца. Тот ответил весьма изысканно, чтобы не обижать юное творческое дарование: «...дать дочери Фельдмана мало – я не могу. А много – у меня уже нет...» Так что апеллировать к достатку семьи – не получалось. Приходилось надеяться только на себя. Благо, что Москва принесла не только финансовые стеснения, но и порадовала новыми знакомствами: с Мариной Цветаевой, Осипом Мандельштамом, Владимиром Маяковским, Василием Качаловым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.